

Стоявший рядом юный альфа застыл от изумления.

Неподалёку стайка золотой молодёжи разразилась улюлюканьем и свистом.

Юй Ю ощутил непреодолимое, почти физическое желание залепить Се Фаньсину сочную пощёчину — слишком уж тот сейчас напоминал его давнего заклятого врага, Цяоцяо.

Вот же идиот! Неужели этот тип — тот самый холодный, властный и невероятно крутой главный герой-альфа из оригинального романа?!

В голове Юй Ю внезапно мелькнула коварная мысль.

Всё равно в конце концов ему придётся держаться от главных героев подальше. Так почему бы сейчас не привязаться к Се Фаньсину? Влюбить его в себя — ну или хотя бы создать видимость, — чтобы главный герой-омега изревновался, напридумывал себе бог весть что, а Се Фаньсину потом пришлось вымаливать у него прощение на коленях? А сам Юй Ю в это время будет с комфортом наблюдать за драмой со стороны.

Крупную пакость он устроить не может, но хоть немного вставить палки в колёса-то можно? В конце концов, это тоже вклад в укрепление их любви! А то ишь, разнежились — пусть помучаются, любовь без страданий не бывает!

Юй Ю смущённо опустил голову и кокетливо протянул:

— Здесь... у меня как-то не получается улыбаться.

Он намекал, что опозориться можно и в другом, менее людном месте.

К счастью, Се Фаньсин на этот раз сообразил. С важным видом кивнув, он спросил:

— А где ты сможешь улыбнуться?

Юй Ю дар речи потерял.

«...»

Вот ведь упёртый! Он что, по его мнению, скоморох на жалованье — улыбки продавать?

Се Фаньсин скользнул холодным взглядом по толпе альф, на секунду задержался на растерянном юноше, пытавшемся заигрывать с Юй Ю, а затем безучастно отвернулся и сжал локоть Юй Ю:

— Пойдём.

Под общими ошеломлёнными взглядами Се Фаньсин увёл его прочь. Уходя, Юй Ю лишь беспомощно пожал плечами, адресуя этот жест брошенному собеседнику.

Молодой альфа качнул головой и едва заметно улыбнулся. Улыбка вышла натянутой, а взгляд, устремлённый в спину Се Фаньсина, был полон скрытой горечи.

Отведя Юй Ю в дальний, безлюдный угол, Се Фаньсин наконец разжал пальцы. Скрестив руки на груди, он свысока оглядел юношу:

— Зачем ты за мной увязался?

— Вовсе я не увязывался, — Юй Ю потряс затекшей рукой и лучезарно, ангельски улыбнулся.
— Просто мимо проходил.

— Я нашёл жучок на своём галстуке, — неожиданно произнёс Се Фаньсин. — Думал посмотреть, что ты задумал, но твоя затея оказалась банальной. Обычная слежка?

— Раз затея банальная, чего же ты меня увёл? — Юй Ю, ничуть не смутившись разоблачением, смерил его таким же оценивающим взглядом и парировал: — Нарядился тут... Со стороны посмотреть, так вылитый альфа, выбравшийся на охоту за омегами.

«...»

На мгновение на лице Се Фаньсина отразилось искреннее удивление:

— Я же сказал: я здесь по заданию.

Он держался упрямо и явно не понимал причин чужого недовольства. Юй Ю решил не идти напролом и сменил тактику — опустил ресницы, изображая кротость:

— Значит, я... помешал твоему заданию?

— Нет.

К удивлению Юй Ю, обычно прямолинейный Се Фаньсин отрезал возражение:

— Я всё равно искал повод уйти, ты лишь помог сделать это раньше. Но не переводи тему: ты прикрепил маячок к моему галстуку только ради слежки?

Юй Ю уже озвучил правду, да только собеседник ему всё равно не поверил. В голове мелькнула идея, и он спросил:

— Помнишь, я говорил, что знаю мелодию, которую играла твоя мать?

Се Фаньсин замер:

— Помню. Ты ещё сказал, что часть забыл. И что теперь? — Он подозрительно прищурился, разглядывая юношу. — Вспомнил?

Юй Ю застенчиво улыбнулся и постучал пальчиком по виску:

— Я тогда запомнил её случайно. А чтобы восстановить полностью... мне, пожалуй, понадобится твоя помощь.

— Веди, — коротко бросил Се Фаньсин.

Всё равно идти было некуда, и он пошёл следом за Юй Ю.

Они подошли к музыкальному салону, и Юй Ю без тени смущения увлёк Се Фаньсина внутрь.

— Ты ведь в таких заведениях ни разу не был? — Юй Ю с любопытством оглядывал ряды разнообразных пианино и роялей. — Чудесное место! Можно пробовать любой инструмент. У нас на родине в подобных лавках сиди хоть весь день — никто слова не скажет, ещё и чаю подливать будут.

Се Фаньсин не спускал глаз с тонких пальцев, сжимавших его рукав. Он терпеть не мог, когда к нему прикасались, но, возможно, из-за высокой феромонной совместимости неприязнь к чужому прикосновению неожиданно притупилась.

Хрупкие пальцы омеги едва сжимали запястье — без давления, без попытки удержать силой. Се Фаньсин ещё колебался, не решив, стоит ли отдёргнуть руку, но тут его внимание привлекли инструменты.

Салон явно был из старых: в зале сустились лишь поношенные автоматы-слуги, а всё пространство заставили ровные ряды пианино. Се Фаньсин бегло осмотрел их и понял, что не знает ни одной из этих марок.

— Вряд ли тебе доводилось видеть подобное, а? — Юй Ю повёл его на второй этаж, на ходу обернувшись с лукавой ухмылкой. — Брат Фаньсин наверняка играет только на запредельно дорогих или сделанных на заказ инструментах. А здесь всё проще — марки для простолюдинов, да и половина к тому же б/у.

Се Фаньсин возражать не стал — Юй Ю попал в самую точку.

На втором этаже внимание Юй Ю сразу приковал к себе чёрный рояль, стоявший прямо по центру.

К ним, размеренно попискивая, подъехал робот-уборщик и замер у ног юноши:

— Желаете подобрать инструмент, уважаемые гости?

Юй Ю отпустил рукав Се Фаньсина, наклонился к автомату и приветливо улыбнулся:

— Принесите, пожалуйста, зелёный чай с сырной пеной. — И, повернувшись к спутнику, спросил: — А тебе что?

Се Фаньсин взглянул на свою освободившуюся руку, затем перевёл отрешённый взгляд на Юй Ю. Выдержав пару секунд, он не выдержал сияющего, безупречно прямодушного взгляда и нехотя вымолвил:

— Улун. Спасибо.

Забрав у подкатившего слуги стаканы, Юй Ю беспечно водрузил их прямо на полированную крышку рояля и уселся на банкетку.

— Садись со мной, — поманил он Се Фаньсина.

Тот на мгновение замер, глядя на стаканы с чаем, столь дико и неуместно смотревшиеся на музыкальном инструменте, и у него дёрнулась бровь. И всё же после короткой паузы он подошёл и опустился рядом.

Они сидели плечом к плечу. Когда они сидели, разница в росте казалась почти незаметной. Юй Ю повернул голову, Се Фаньсин тоже посмотрел на него, и юноша невзначай утонул в этих необычайных, завораживающих глазах.

И тут Юй Ю с особой отчётливостью осознал: а ведь Се Фаньсин невероятно повзрослел.

В памяти прежнего владельца тела сохранились детские воспоминания. В детстве Се Фаньсин

был настолько утончённым и миловидным, что все вокруг пророчили ему вторичную дифференциацию в Омегу. А из-за нелюдимого нрава и странных увлечений ровесники со смехом твердили, что «такую недотрогу потом ни один Альфа замуж не возьмёт».

В те годы Юй Ю особо не обращал внимания на Цяоцяо. Они толком и не общались — разве что Юй Ю иногда поглядывал на него из-за его вечно высокомерного вида. Юй Ю тогда занимал пост старосты класса, но когда одноклассники за спиной насмехались над Цяоцяо, обычно закрывал на это глаза. Какое ему дело? Главное — поддерживать порядок перед учителями.

Но однажды, после урока анатомии, где разбирали особенности физиологии АВО, затронули довольно чувствительные темы. Подростки границ не знают: едва прозвенел звонок, как несколько задир обступили Цяоцяо, выкрикивая поддёвки: «Да он неликвид!», «Ни один Альфа на такого даже не взглянет!».

Цяоцяо даже не удосужился взглянуть на них — молча протирал детали своей модели.

Юй Ю как раз вернулся с площадки с полотенцем на шее. Он жадно пил воду, а услышав этот шум, со стуком грохнул бутылку об стол и отрезал:

— Что, а за вас прямо очередь из женихов выстроилась? На себя сперва в зеркало взгляните, а потом за других переживайте!

Что было дальше, Юй Ю уже не помнил.

Глядя сейчас на профиль Се Фаньсина, он снова вспомнил этот давний эпизод. Пожалуй, дело в том, что Се Фаньсин вырос в человека, над которым ни у кого больше не поднимется рука насмехаться.

Черты лица стали строгими, резкими; прежняя, режущая глаз гордыня теперь была надёжно спрятана за внешней сдержанностью, но даже эти отголоски внушали невольный трепет.

Юй Ю вдруг подумал: тот Се Фаньсин, что держался среди золотой молодёжи, — это и есть истинное воплощение того дерзкого, гордого мальчишки Цяоцяо. Его дикий, неукротимый нрав никуда не исчез.

Что же ему пришлось пережить за эти годы, когда его вернули в род Се?

—... Не замирай, — тихий голос Се Фаньсина выдернул Юй Ю из раздумий. — Очнись.

Юй Ю вздрогнул. Встретившись с его опущенным взглядом, он всё понял:

— Я что, только что попал под твою иллюзию?

— У меня скоро период восприимчивости, — Се Фаньсин склонил голову, будто изучал клавиши, но Юй Ю заметил, как нервно и часто тот моргает. — Способности выходят из-под контроля. Извини.

Помимо музыкального дара, глаза Се Фаньсина могли создавать иллюзии, так что Юй Ю не удивился и быстро собрался с мыслями:

— На самом деле, я придумал способ. Я немного умею играть на пианино — совсем чуть-чуть, простые мотивы ещё осилю, но такую сложную партию мне не сыграть. Зато та «Мелодия Воскрешения», что ты помнишь наизусть, частично совпадает с оригиналом...

Взгляд Се Фаньсина дрогнул:

— И что ты предлагаешь?

— Сыграть в четыре руки, — Юй Ю невинно улыбнулся. — Ты возьмёшь на себя основной каркас и сложность. Идёт?

На этот раз Се Фаньсин искренне опешил.

Он допускал, что Юй Ю попытается наиграть мотив, но исполнять композицию в четыре руки... О таком он даже не помышлял. И никогда не пробовал.

Дворянское воспитание, полученное после возвращения в семью, обрекло его на долгие годы одиночества, возвращённой гордыни и бесконечных упрёков. Ему запретили даже думать о самодельном оружии и опасных механизмах, которыми он увлекался в детстве. Едва отец обнаружил его музыкальный дар, как тут же заставил заучивать изысканные классические произведения, требуя повсюду блюсти дворянское достоинство и не позорить имя рода.

Се Фаньсин смотрел на инструмент. Ему ни разу в жизни не приходилось прикасаться к столь низкосортному пианино. Для гордого аристократа-музыканта играть на таком считалось почти унижением.

Более того, эти два стакана, водружённые прямо на рояль... Увидь это его учитель, он немедленно всплеснул бы руками от возмущения, а отец снова заставил бы встать на колени в алтарной предков. Или, того хуже, подверг бы семейному наказанию. Та экзекуция была настолько мучительной, что Се Фаньсин, испытав её единожды, больше никогда не желал проходить через подобный ад.

Но Юй Ю, похоже, вообще не думал о подобных условностях. Судя по всему, он просто... старался помочь?

В душе Се Фаньсина спорили сотни сомнений, но в конце концов он едва заметно вздохнул и тихо роптнул в знак согласия.

Юй Ю и понятия не имел, какие бури бушуют в голове спутника. Выросший в бедноте, он отдавал все заработанные деньги на лечение родных, привык пользоваться подержанными вещами и жил в совершенно иной системе координат.

Они приготовились и занесли руки над клавишами.

Стоило Се Фаньсину коснуться клавиш, как он словно преобразился, уходя в иное измерение. Его гибкие пальцы двигались с невероятной экспрессией; мелодия рвалась ввысь — то скорбная и величественная, то полная безудержного порыва. Он казался воплощением самой музыки.

Как только отзвучало вступление, Юй Ю включился в игру. Его тонкие пальцы легко опустились на клавиши. Первые аккорды прозвучали фальшиво, но он мгновенно поймал ритм и подстроился под темп Се Фаньсина.

Мотив подхватили четыре руки. Неожиданно Се Фаньсин чуть сбавил темп, чтобы следующим резким пассажем взмыть к кульминации — музыка зазвучала с неистовой, бушующей страстью.

И тут произошло неожиданное.

Вместо того чтобы подхватить этот неистовый порыв, Юй Ю мягко коснулся клавиш. Его мелодия полилась удивительно нежно и плавно, словно ласковый весенний ветерок, шелестящий в кронах деревьев.

Зрачки Се Фаньсина сузились, но он не прервал игру.

Музыка угасла, и спустя мгновение оба одновременно подняли руки от клавиш.

В зале воцарилась звонкая тишина. Юй Ю поднялся, забрал с крышки рояля оба стакана, один протянул Се Фаньсину, а из второго отпил сам:

— Ух, у меня аж в горле пересохло.

Се Фаньсин взял стакан и опустил взгляд на чайники дешёвого сорта, плававшие на поверхности. Густые длинные ресницы скрыли выражение его глаз.

И всё же Юй Ю чувствовал: настроение у Се Фаньсина сейчас совсем не радужное.

— Тебе не даёт покоя, почему вместо бурной кульминации я сыграл этот отрывок так легко...
вернее, так трепетно и нежно?

Се Фаньсин приподнял веки. Сквозь полупрозрачную струйку пара его светло-голубые глаза смотрели на Юй Ю словно сквозь дымку.

Юй Ю встретил этот взгляд и лишь улыбнулся:

— Брат Фаньсин, на самом деле я кое-что утаил. Тогда я говорил, что автор всей душой ненавидела вторую версию произведения. Но ни один создатель не способен до конца отречься от своего творения. И она вложила в неё частичку своей души... Как раз в то время, когда на свет появился её сын.

Се Фаньсин замер, на его лице отразилось глубокое потрясение.

— Настоящему варианту «Мелодии Воскрешения» не хватало лишь этой маленькой детали. А создана она была только для того, чтобы донести до тебя...

Юй Ю заглянул ему прямо в глаза:

— Твоя мама любила тебя.

Глядя на невероятно тёплое, кроткое выражение лица Юй Ю, Се Фаньсин ощутил, как его сердце пропустило оглушительный удар.

«Кажется, — промелькнуло у него в голове, — период восприимчивости наступит раньше срока».

<http://bllate.org/book/20488/2131254>